

И. Ю. Третьякова

Окказиональные фразеологизмы и контекст

В статье рассматривается контекстуальная обусловленность окказиональных фразеологизмов, выявляются закономерности образования речевых единиц, связанность фразеологических трансформов с элементами внешнего контекстного окружения.

Ключевые слова: фразеологическая единица, окказиональный фразеологизм, приемы окказионального преобразования фразеологизмов, трансформация.

I. Ju. Tretyakova

Occasional Phraseological Units and Context

The article deals with contextual dependence of occasional phraseological units, analyzes the patterns of formation of units and connections between transformed phraseological units and the elements of outer context.

Keywords: a phraseological unit, occasional phraseology, an occasional phraseological unit, transformations of phraseological units, phraseological imagery.

«Рождение» окказионального фразеологизма (далее ОФ) обусловлено реализацией авторской творческой мысли; в свою очередь, выявление значения, точное «прочтение», понимание ОФ связано контекстным окружением фразеологической единицы (далее ФЕ). Контекстные актуализаторы способствуют идентификации значения окказиональной ФЕ, конкретизации ее смысла, актуализации коннотации, образности и др.

ФЕ и ее контекстное окружение не раз становились объектом внимания фразеологов. М. Т. Тагиев [6] в эпоху «классического периода» фразеологии рассмотрел контекст в качестве обязательного условия идентификации ФЕ при разграничении ФЕ и свободного сочетания слов. Исследование ФЕ в контекстном употреблении продолжил А. В. Кунин [3], который рассматривал этот вопрос в аспекте функциональной фразеологии, описав фразеологизм во всем многообразии контекстных связей, обуславливающих появление различных семантических приращений, ассоциаций, оттенков коннотации.

Взаимоотношения ФЕ и контекста рассматриваются в современной фразеологии и с точки зрения коммуникативно-прагматической, акцентирующей внимание на экстралингвистических факторах порождения и осуществления речи. Языковые ФЕ и ОФ изучаются в различных ситуациях речевого общения, главным участником

которого является носитель языка, порождающий речь с определенной целью. Именно носитель языка, «творя» речь, волен выбирать для реализации своих мыслей, чувств, представлений ту или иную единицу языка, в том числе и фразеологическую; именно он создает контекст – в рамках традиции, стереотипа или вполне оригинальный. Различают два вида контекста: языковой и речевой. Под языковым фразеологическим контекстом понимается «фрагмент текста, в линейном пространстве которого лексико-грамматическое окружение фразеологической единицы благодаря своим системно обусловленным свойствам “поддерживает” и одновременно ограничивает потенциальный спектр возможных реализаций фразеологического значения», под речевым контекстом понимается «нетипичное, неоднородное лексико-грамматическое окружение фразеологической единицы, которое видоизменяет системное значение данного номинативного знака, нарушая его узуальную смысловую дистрибуцию и подвергая окказиональному семантико-прагматическому варьированию» [2. с. 29]. Как видно из определения, окказиональное фразеологическое значение проявляется опосредованно – через нарушение дистрибуции, и непосредственно – через трансформацию формы и семантики языковой ФЕ. Носитель языка, порождающий речь, использует в качестве элемента

речи фразеологизм, выстраивает речь в расчете на то, что адресат воспримет речь (в том числе и фразеологизм), интерпретирует содержание речи точно, правильно, в соответствии с тем содержанием, которое замыслил автор речи; такая уверенность возникает вследствие того, что порождающий речь рассчитывает на речевую (языковую) компетентность адресата: на его пресуппозиционные знания (языковые и неязыковые), на способность декодировать не только эксплицитные, но и имплицитные мысли высказывания [2, с. 32]. См.: *Кадровый голод не тетка* (ФЕ *голод не тетка*). *На таком безрыбье только и останется, что вытаскивать из мутной воды старых верных товарищей* (ФЕ *на безрыбье и рак рыба; ловить рыбку в мутной воде*)

Ряд ученых выделяет еще один вид контекста – контекст речепорождения ФЕ. Так, А. В. Кунин под контекстом порождения понимает контекст, выполняющий функцию идентификации значения ОФ [3]. Более глубоко и последовательно рассмотрела проблему речепорождения окказиональных единиц на примере окказионального словообразования М. С. Малеева [4]. В своей монографии ученый убедительно демонстрирует наличие в отдельных контекстах специфической информации, которая объясняет появление нового слова, способствует идентификации значения и мотивировки окказионального слова [4, с. 7].

Между тем М. С. Малеева высказывается, и, на наш взгляд, совершенно справедливо, против признания за контекстом функции порождения окказиональных образований, так как «в противном случае не только происходит отторжение контекста от его автора и творца – человека, но и наблюдается ... наделение контекста некими творческими способностями». И далее: «правильнее, с нашей точки зрения, говорить о наличии в контексте так называемой словообразовательной информации, которая отражает создание производной единицы, ее выбор, ее восприятие, не только регистрирует появление определенного производного, но и объясняет его использование» [4, с. 26]. М. С. Малеева выделяет – как разновидность контекстов – словообразовательный контекст, отличающийся тем, что содержит информацию, позволяющую по деталям восстановить акт словопроизводства, объяснить причины образования нового слова или специфики его употребления. Словообразовательным является следующий контекст: «Удивительный минерал. Глядя на камень, можно понять, отчего геологи не приняли первоначальное точное имя *канасит*

(кальций, натрий, сицилий), а назвали по забайкальской речке Чара – *чароит*, что-то от *очарования*» (Л. Шинкарёв «Самоцветы Сибири»).

Исходя из наших наблюдений, фразеологические контексты также могут содержать информацию о мотивировке значения ОФ, а элементы контекста могут способствовать идентификации значения ОФ. Однако выявить специфический, подобно словообразовательному контексту, фразеологический контекст оказалось задачей крайне сложной. Дело, очевидно, в том, что процесс образования окказионального фразеологизма существенно отличается от процесса образования окказионального слова. Если основным средством при создании окказионального слова становятся в основном морфемы, из которых складываются новые слова, то при образовании ОФ редко что «складывается». ОФ образуется на базе уже имеющегося в языке одного фразеологизма, при трансформации его компонентного состава, поэтому, если в контексте и есть информация об ОФ, то эта информация не содержит объяснения механизмов или причин окказионального фразеологизма. Контекст, в котором функционирует ОФ или окказиональный вариант языковой ФЕ, может содержать информацию, эксплицирующую значение ОФ (как, впрочем, и значение ЯЕ). См., к примеру, следующий фрагмент, в котором элементы контекста *за аптекаршей женщиной не разглядел* почти полностью эксплицируют значение ОФ *за лекарствами леса не видел*: «Юрий Михайлович отвел глаза в сторону и подумал, как же это он не замечал, сколь Ира великолепна ... *За лекарствами леса не увидел, за аптекаршей женщиной не разглядел*» (Ю. Карелин «На что жалуетесь, доктор») [5]. Факт экспликации в контексте значения как языковых, так и окказиональных фразеологизмов свидетельствует о том, что такая специфическая информация свойственна не только контексту с ОФ, что эта особенность может проявиться по воле автора в любом контексте с функционирующими в нем фразеологизмами.

Существует еще одна разновидность контекстов, выполняющих идентифицирующую функцию, в которых одновременно используется и языковой фразеологизм, и окказиональный; и идентификация ОФ осуществляется посредством не столько контекстных актуализаторов, сколько проявляющих деривационные связи наличествующих производного и производящего фразеологизмов. См., к примеру, контекст с ОФ: «Дело в том, что администрация ПМК-390 подбирает и

расставляет кадры вопреки давним и хорошим традициям, о которых с давних пор повествуется в нашем фольклоре. И по этим традициям не рекомендуется *пускать козла в огород, щуку бросать в реку, а лису назначать заведующей курятником*» (Северная правда. – 1976. – 11 июня) [5]. В подобных контекстах демонстрируется языковая ФЕ и ее трансформы, что существенно облегчает процесс идентификации окказиональных значений. Однако такой контекст нельзя назвать контекстом порождения ОФ.

Любой контекст, на наш взгляд, нельзя назвать порождающим какую-либо окказиональную единицу. ОФ творится, порождается автором в соответствии с коммуникативной ситуацией, авторскими интенциями, контекст не может быть субъектом – творцом. Конечно, автор речи волен таким образом организовать контекст, чтобы в нем содержалась информация, обеспечивающая адресату речи декодирование значения ОФ. Но говорить в таких случаях о довлеющей роли контекста будет неверным.

Библиографический список

1. Вальтер, Х. Антипословицы русского народа [Текст] / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко. – СПб. : Нева, 2005. – 576 с.
2. Добрыднева, Е. А. Коммуникативно-прагматическая парадигма русской фразеологии [Текст] / Е. А. Добрыднева : монография. – Волгоград : Перемена, 2000. – 224 с.
3. Кунин, А. В. Фразеологическая единица и контекст [Текст] / А. В. Кунин // Иностранный язык в школе. – М., 1971. – № 6. – С. 3–15.
4. Малеева, М. С. Лексическая и синтаксическая объективация знания в словообразовательном контексте [Текст] / М. С. Малеева. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1983. – 128 с.
5. Мелерович, А. М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь [Текст] / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. – М. : Русские словари, 1997. – 864 с.
6. Тагиев, М. Т. Глагольная фразеология современного русского языка. Опыт исследования фразеологических единиц по окружения [Текст] / М. Т. Тагиев. – Баку : МААРИФ, 1970. – 252 с.